

Натали Кравец

Сонатное аллегро

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

Иллюстрация на обложке *Елены Леонтьевой*

Кравец, Натали.

К77 Сонатное аллегро / Натали Кравец. — Москва :
Эксмо, 2025. — 192 с.

ISBN 978-5-04-220455-5

Оставшись один, Алексей может лишь предаваться воспоминаниям давно ушедших лет. Каждый раз он прокручивает в голове те светлые дни, когда тяготы преодолевались вместе с любимой, дома его всегда ждали, а жизнь имела смысл.

Теперь же молчание квартиры лишь напоминает Алексею об утратах, неудачах и ошибках, которые никогда не исправить... Но когда нечего терять, как раз и появляется шанс получить что-то новое, не так ли?

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Натали Кравец, текст, 2025

© Елена Леонтьева, иллюстрация на обложке, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-220455-5

Оглавление

	Часть 1	
Глава 1		6
Глава 2		11
Глава 3		18
Глава 4		26
Глава 5		35

	Часть 2	
Глава 1		44
Глава 2		49
Глава 3		55
Глава 4		60
Глава 5		64
Глава 6		71
Глава 7		83

	Часть 3	
Глава 1		94
Глава 2		100
Глава 3		108
Глава 4		117
Глава 5		124
Глава 6		138

	Часть 4	
Глава 1		150
Глава 2		160
Глава 3		165
Глава 4		169
Глава 5		176
Глава 6		183

P. S.		189
----------------------	--	------------

Часть I

Глава I

«**Х**орошие или плохие, грустные или веселые наши воспоминания — у всех них есть одно общее свойство: менять окраску и цвет со временем. Отношение к событиям прошлого изменяется, преломляясь сквозь призму последующих событий. Жгучая страсть превращается в стыд или, возможно, в нежность. Отчего так? Кто ж разберет. Черета событий и выводов, складывающихся в опыт. Как часто хочется прихвастнуть этим опытом? Я прожил жизнь и лучше знаю, что нужно делать. Жить воспоминаниями о жизни, продолжая делать выводы задним числом и проигрывая мысленные диалоги, гордиться и радоваться удачно, но запоздало найденным словам. С горечью осознавая необратимость времени. Однако у госпожи Истории, как известно, не бывает сослагательного наклонения. Факты. Безликие факты, которые становятся проблемой или безделицей только от нашего видения и эмоциональной окраски. Как же иногда хочется поступить иначе в прошлом, имея нынешний опыт!.. И как нечасто наш личный опыт подходит для других. Стоит только закрыть глаза, как память закружит и унесет в солнечные дни юности, когда, как оказывается, среди суеты и забот повседневности они были беззаботно счастливы. Как давно и недавно это было?» — так думал Алексей, старательно обходя подтаявшие ледяные лужи. Погода, казалось, сошла с ума этой осенью, изменяясь по несколько раз за день. Выходя из дома, обманутый ярким солнцем, не взяв зонта, сейчас он кутался в пальто, стараясь извернуться так, чтобы капли дождя не попали ему за воротник. Вот уже и больничный сквер. Он вспомнил вдруг это же место когда-то давно. Летнее солнце жарко светит, и Аленка, совсем юная, в светлом платьице с длинной косой, смеется — так солнечно, — когда он встречает ее после занятий. Она училась тогда на медсестру, и у них была практика в этой самой больнице. Как замирало его сердце, когда она

сбега́ла по ступенькам ему навстречу! Как они гуляли под этими большими деревьями!

Старые деревья, кованая ограда и стаи неприкаянных ворон, кружащих над зданием, в совокупности напоминали кладбище. Подняв лицо вверх и разглядывая пируэты черных птиц, он прошептал, улыбаясь сам себе:

— Зря кружите, стервятники. Зря. Мы еще поживем.

Кружение воронов уходит в воспоминание...

Они молодые, совсем юные, кружатся вокруг себя, взявшись за руки. Уже тогда, глядя в ее смеющиеся глаза и на рассыпанные по щекам озорные веснушки, все внутри заходило от нежности и решимости быть вместе всегда.

— Остановись! — смеялась она. — Я сейчас упаду.

— Конечно, — я приобнял ее тогда за плечи. — А давай пообещаем друг другу быть вместе навсегда.

— Дурачок ты какой-то. Мы же и так вместе всегда — с пеленок. Мы же соседи, забыл? — Она щелкнула его по носу и вскочила. — А пойдем мороженое есть?

— Нет, я не это имел в виду, говоря про быть вместе, — я расстроился из-за ее непонятливости.

— А ты что, жениться на мне собрался? — у девушки в глазах заплясали чертики.

— А что, вот и женюсь, — я дерзко вскинул вверх подбородок, позаимствовав тот жест у героя какого-то модного тогда фильма. Казалось, что это придает мне мужественности...

— Дедушка, как мне к магазину пройти, не подскажете? — вернул его в слякотный ноябрь звонкий девичий голос.

В районе, где прожита была целая жизнь, где все знали друг друга с пеленок и запахи сообщали о блюдах, приготовленных матерями на обед, недавно открылся филиал какого-то института с модным и труднопроизносимым названием. Конечно, сразу появилось много молодежи, засе-

лившейся в общежитие, еще неопытной и не ориентирующей на местности.

— Это смотри какой магазин тебе надо, деточка, — в тон ей ответил Алексей, — за продуктами налево, за мылом направо.

— Понятно, — засмеялась девушка. — Спасибо вам.

— Странный дед, какой-то полудурочный... — услышал он за спиной. Усмехнулся про себя:

— Вот так вот. Полудурочный дед... Время, время... В душе остался я двадцатилетним мальчишкой, а вот время и тело меня несколько подвели.

Он поднял лицо вверх, чтобы поймать капли, летящие с неба и превращающиеся в слезы непрощенных обид...

— *Куда тебе жениться, — кричала мать, — ты же еще сам только-только школу закончил!!!*

— *Мама, мы же всегда вместе были. Женитьба — это простая формальность. Я люблю ее...*

Как обычно, мать хлопотала по хозяйству, но сейчас ее движения были особенно резкими: ножи выскальзывали из рук, дверцы шкафов хлопали, крупа рассыпалась.

— *Ну ладно. — Мать шлепнула мокрое от вытирания рук полотенце в раковину. — Дело молодое. Но на ком? — ее голос сорвался на визг. — На дочке уборщицы? Матери-одиночки? Хуже никого не было?! Самое лучшее из худших? Фу, — зло сплюнула женщина и, рухнув на табуретку, горько заплакала.*

— *Мам, что, вот это так важно, кем работать? Не работа красит человека, а человек работу... Почему ты так презираешь людей, тебя окружающих? И судишь только по сплетням, а не глядишь на факты.*

— *Какие факты? — Мать перестала плакать, быстро отерев лицо ладонью и набрав побольше воздуха, чтобы ринуться снова в бой, но ее опередили. Мальчик, который никогда слова поперек не сказал, был всегда милым и по-*

слушным, вытянулся в струнку и незнакомым стальным голосом продолжил:

— Ее мать — это даже не мать, а тетка по материнской линии. Ее родители погибли. Они уехали по распределению куда-то на север, там Алена и родилась. В буран поехали на машине и пропали, их искали, но безуспешно. А тетка как узнала, так приехала и забрала себе девочку, чтобы она с родными росла. Потом удочерила ее и сюда переехала; работу сменила, чтобы Алenu вырастить, а ты такое говоришь... страшно слушать.

— Да-да, конечно. Учителя-герои и летчики-испытатели... Знаем мы эти сказки. Я запрещаю тебе!!! — истерично вскрикнула женщина.

— Кто тут и что запрещает? Что за шум, а драки нет? Или драка уже идет, а я опаздываю? — послышался из коридора веселый голос.— Продолжайте, пожалуйста, с того места, где остановились. Мне очень интересно,— произнес отец, входя в кухню.— Но надеюсь, что обед вы за своими вокальными упражнениями не забыли приготовить?

Мужчина остановился в дверях, удивленно рассматривая бледного напряженного сына и зареванную растрепанную жену.

— Конечно, садись, мой хороший. Садись,— ласково заворковала она, суетливо накрывая на стол и доставая тарелки.— А с тобой мы потом со всем разберемся. Все вопросы порешаем,— дернула Алексея за руку.— Зачем нам по пустякам отца отвлекать? Он устает на работе, а дома отдохнуть надо...— щебетала она, чтобы заполнить чем-то возникшую тяжелую паузу и вернуть себе самообладание.

— Папа, я женюсь,— выдохнул я, внезапно вышедший из-под материнского контроля, напряженно всматриваясь в лицо отца.

— Жениться — это дело хорошее. А что за невеста?

— Аленка. Соседка...— тихо произнес я, ожидая очередного витка скандала.

— Ну что же, хорошая девочка, а главное, с детства на глазах. Да, мать? — Едва взглянув на женщину, зачерпнул дымящийся в тарелке суп, подул и с удовольствием отправил ложку в рот. — Ой, какой супец! Сметанки бы... — зажмурился от удовольствия отец. — Нет ничего лучше, нежели суп...

— А я ему говорю, — присела за стол мать и, подперев щеку рукой, зашептала: — Не ровня она нам...

— Сметанки бы, — ложка с грохотом упала в тарелку, разбрызгав суп по столу.

Женщина дернулась как от удара, вскочила и бросилась вытирать брызги.

— Ровня? Не ровня? — захохотал мужчина. — А ты ровня мне? Ты помнишь, кем сама была? Королевой трущобы. Царевной рабочей окраины. Моя мать тоже кричала тогда: «Это же надо подумать! Хороший мальчик из хорошей семьи. Скрипочка, математика и гефилте фиши на праздники. Нашел себе гойшу. Ни рожки, ни кожи. Ой-вей! В каком месте мы тебя упустили?» И мне надо было тоже, по-твоему, ровню поискать? И что, много счастья добавляет это равенство? Примеры, пожалуйста.

— Я все равно против, — упрямо поджала губы мать. — Я запрещаю. У нас хорошая семья, а эта...

— Кто эта? Про что ты вообще? Что ты кому можешь запретить? — разозлился отец. — Сын — взрослый человек. И только ему решать, как жить. Откуда у тебя это... — он пошевелил растопыренными пальцами, пытаясь подобрать слово. — Это... высокомерие? Ты ж нормальная девочка... была... Я, кстати, тоже против желаний матери пошел. Любовь творит невозможные чудеса. А сейчас смотрю на тебя и думаю: может, зря?

Он повернулся к ошарашенному сыну, не ожидавшему такой поддержки.

— Если готов быть мужчиной и брать ответственность не только за себя, женись...

Воспоминание оборвалось у крыльца больницы стуком распахнувшейся двери.

— Ой, Алексей Михайлович,— воскликнула, всплеснув руками медсестра,— что же вы без зонта! Совсем промокли. Входите быстрее.

— Танки грязи не боятся,— добродушно улыбнулся пожилой мужчина.

— Танки, может, и не боятся ничего, а вот вам заболеть совсем не нужно. Как же Алена Александровна без вас будет,— заботливо рассуждала девушка, снимая с Алексея промокшее пальто и шляпу. А пока доставала полотенце и заваривала чай, она говорила и говорила без умолку:— Вот на улице какая погода противная, а у нас хорошие новости. Анализы пришли.

— И что? И что анализы?

— Нормально все,— улыбнулась медсестра,— на поправку идем. Медленно, но очень уверенно. Сейчас чайку попьем и пойдем к нашей любимой Аленушке Александровне.

Глава 2

Алена лежала на кровати, опутанная какими-то проводками, подключенными к разным машинам, контролирующим ее состояние, и грустно смотрела в окно, на серый унылый дождь и порывистый ветер. Как по дорожке больницы сквера идут, взявшись за руки, молодые люди. Он отстранен и лишь вежливо позволяет ей взять себя под руку. Она же пытается укутать его в свой шарф, защитить от ветра

и, возможно, от прочих жизненных бурь. Как же это похоже... Однажды это уже было... Все повторяется...

И вновь я молодая и влюбленная. Тогда казалось, навсегда. И жизни нет без него, и воздуха мало, чтобы дышать.

— Ну что ты пристала? — выдернул руку мальчишка.

— Костик, тебе же холодно. Ты простынешь, Костик...

— Ничего со мной не случится. — Он отталкивает ее руки от себя. — А вот я хотел сказать... — замолкает, будто нырнул в прорубь, и на одном дыхании сообщает: — Уезжаю я. Документы приняли. Я поступил. А ты не жди меня... ни к чему это все...

— Как же так? — губы предательски дрожат, в глазах закипают слезы. — Ты же... мы же пожениться хотели.

— Ой, да что там! — весело отмахивается тот. — Эта детская любовь ничего не значит. Обещал я? Ну и что? Я же ничего плохого не сделал. Кроме того, что сказал. Мое слово. Хотел — сказал, захотел — и назад взял.

— Ну как же так. — Я захлебываюсь слезами, хватаю его за руки. — Помнишь, мы же мечтали...

— Ай, ладно тебе. Как маленькая. — Он досадливо освобождает руки. — Ничего ты не понимаешь. У меня новая жизнь начинается. Не ходи за мной. Все, прощай, Алена.

Парень ушел по аллее, а я осталась стоять среди танцующих в воздухе листьев и пронизывающего ветра...

Как могла бы сложиться их судьба, уговори она его остаться? Через много лет кружения событий, радостей и печалей она повстречала свою юношескую любовь...

Костик ничуть не переменился, но изменилось мое отношение к жизни. Я увидела перед собой хамоватого, трусливого мужчину, старающегося урвать кусок пожирнее только для себя. Не оставляющего попыток найти себе условия жизни получше, совершенно не вглядываясь

в людей, находящихся рядом. Он был ухожен, хорошо одет и немного пьян, а рядом с ним стояла серая и уставшая женщина, держащая за руку ребенка лет пяти.

— Костя, пойдем домой,— просила она.

— Что мне делать с тобой дома, Таська? — удивлялся он. — Разговаривать нам не о чем: у тебя ж три коридора образования. Вообще, посмотри на себя: ни кожи ни рожки! И как я на тебя полез-то? Чего ты стоишь? Глазами коровьими своими лупаешь... О! Алена! Привет,— вдруг заметил он меня.

— Здравствуй, Костя,— отозвалась я.— Ты что, вернулся?

— Ага! Ух, какая ты стала! — беззастенчиво осматривал он меня.— Я тогда сильно погорячился, может... — Он попытался обнять меня, намекая на возобновление отношений.

— Такая я стала только благодаря моему мужу,— брезгливо вывернувшись из объятий, сказала я.— Женщина — это зеркало своего мужчины. Отражает его внутреннее устройство. А это твоя жена?

— Ну, как жена... — замялся он, стыдливо косясь на Тасю.

Как же мне было жалко эту несчастную женщину, угодившую своим искренним чувством в эту ловушку пустословия, нелюбви и обмана...

— Очень приятно было познакомиться, Таисия. Прощай, Костя,— я повернулась и пошла к спешащему мне навстречу Алексею...

Алена улыбнулась уголками губ своим воспоминаниям. Дверь в палату приоткрылась.

— Аленушка, а вот и я.— В палату вошел бодрый и веселый Алексей Михайлович, только в глазах его плескалось спрятанное беспокойство.— Ну, как ты сегодня?

Она улыбается и кивает, показывая, что все хорошо, а он продолжает рассказывать, как будто боится, что, если он за-

молчит, все исчезнет и безмолвное стерильное пространство палаты снова заполнится неизвестностью и ужасом ожидания.

— А я, пока шел к тебе, промок, что тот цуцик. Зонттик дома оставил на тумбочке. Спасибо Машеньке, медсестра такая большеглазая, ты помнишь ее? — он вопросительно взглянул на супругу. — Она, доброе сердечко, полотенце выдала и чаю налила. А я тебе конфеточки принес к чаю.

— Ты вот сказал про Машеньку, и так мне чаю захотелось свежего горяченького с конфеткой, — она даже зажмурилась от своих слов.

— Сейчас все будет, один момент. — Он сложил принесенные пакеты на тумбочку у кровати и скрылся за дверью...

На столе лежат конфеты и пирожные. Цветы стоят в старомодной пузатой вазе. Из соседней комнаты раздаются веселые голоса, слышны шутки. Я сижу у зеркала и смотрю на свое отражение, слезы струятся из глаз. Дверь в комнату открывается, и входит мама. Она и я похожи друг на друга, как фотокарточки с разницей в 25 лет.

— Доченька, кто тебя обидел? Ты плачешь? — Встревоженная мама подходит ко мне и, усаживаясь рядышком, обнимает меня.

— Мама, я так Костика люблю. Вот прям умереть готова, а он уехал. А тут этот свататься пришел.

— Вот и выросла ты, моя девочка, — слегка улыбнулась мама. — Уже женихи один перед другим ходят. Эх, жалко, что твои родители не видят, какая ты красавица.

— Мам, делать-то что? — в отчаянии зашептала я.

В комнату заглянули, но мама замахнулась на дверь, и та тихонько закрылась.

— Знаешь, когда твой папа пришел свататься к твоей маме, твоя бабушка, наша мама, сказала фразу одну. Я тогда не совсем поняла ее, а сейчас думаю, что очень это правильные слова. — Она убрала с моего лба пряди растреп-

павшихся волос. — Жить без любви очень сложно. Когда-то ты будешь видеть все достоинства мужа, но они станут раздражать тебя до зубного скрежета. А жизнь к тому времени так тесно переплетет вас, что разорвать этот узел станет невозможно.

— Спасибо, мама. — Я смахнула слезы. — А я вот иначе сейчас подумала.

— И что ты подумала? — с любопытством спросила мама, беря меня за руки.

— Я думаю, что в любви легче всегда тому, кто меньше любит. Тому, кто любит сильнее, — обиднее, больнее и все хуже. Алешка же, по сути, неплохой парень? Не противный?

— Ну, не противный, — улыбнулась мама.

— Любит меня так, что против семьи пошел. А мать его, мы-то знаем... Значит, всю жизнь за меня горой будет. А что Костик? — я порывисто вздохнула.

Мама остановилась в дверях. Повернулась и задумчиво посмотрела на своего взрослого уже, но такого растерянного перед сложным выбором ребенка. И любой совет тут будет только во вред. Как бы ни было больно — пуповина между родителями и детьми должна быть разорвана.

— Но решать все равно тебе! Чтобы я тут не наговорила, — сказала и вышла из комнаты к гостям...

Дверь открылась, и в палату снова вошел Алексей с подносом, на котором сверкали фарфоровые чайные чашки с уютным изображением гусей, явно принесенные из дома.

— Ты представляешь, — весело начал он, — насилие чайничек нашли. Время сейчас такое странное. Быстрое такое, только успевай поворачиваться. Чай только в пакетиках на ниточках, все на скорости, на бегу, а я знаю, что ты основательно любишь чаевничать. У заотделения только и нашлся чайник заварочный.